
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ТВОРЧЕСКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ ГЕНИЯ: ОТ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА К ВЕЛИКОМУ ГЛОБАЛИЗАТОРУ

К 200-летию со дня рождения великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского (1821—1881)

У меня две кошки — большой черно-белый кот и черно-желто-белая кошечка; такую кошечку национального цвета* я завел для опыта... Первый признак близкого светопреставления — это, как известно, появление большого числа нытиков, то есть людей, которые все ноют; второй — рождение черно-желто-белого кота.

А. Н. Энгельгардт «Из деревни: 12 писем, 1872—1887» (7-е изд. М.: Мысль, 1987)

Предвидение ныне уже свершившегося... и о нытиках. Стало давно расхожим утверждение, что все предсказанное полтора века тому назад Ф. М. Достоевским в его художественных произведениях — и особенно в «Дневниках писателя» — с точностью до оттенка мысли сбылось, но... только в части негативного, понимаемого как уничтожение христианской морали — высшей из имевших место быть сформулированными в период цивилизации и культуры человечества. Всего лишь двух гениев литературы этой морали было отпущено прежде и ныне живущим: Шекспир и Достоевский (перечисляем не в порядке «значимости», но лишь по датам жизни). Равно сейчас мы воочию наблюдаем историческое развертывание драмы короля Лира и уже полное невосприятие нынешним человеком трагической природы князя Льва Николаевича Мышкина. Увы, но это так: утверждено и припечатано эволюцией человека. Уже свершилось содержание трактата Шигалева из «Бесов»: *«Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повинении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать».*

Но создатель учения своего имени — «шигалевщина», как его будут впоследствии именовать видные общественные и политические деятели, философы и литературоведы России и СССР — «длинноухий» Шигалев явно поскромничал, отведя под вершину социальной пирамиды грядущего человечества аж десятую часть. Ныне, уже при свершившемся глобализме, этой вершиной являются считанные проценты,

---

* Имеется в виду государственный (императорский) флаг Российской империи: черно-желто (золото)-белый триколор. В <исторически достоверных> советских экранизациях русской классики в эти цвета были раскрашены верстовые столбы («только версты полосаты...»).

даже доли процента*... Но это поддается объяснению. Устами угрюмого меланхолика Шигалева, который *«запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей»*, Достоевский прежде всего выражал тот известный человеческий социобиологический факт, что всего десятая часть (точнее — восемь процентов; см. обоснование в нашей книге «Апология христианства», М., 2018 — в интернете по поисковику) всех людей обладает качеством самодостаточности мышления, проще говоря о нынешних — не «обучается» телевизором. Сам Достоевский пишет: *«Я никогда не мог понять смысла, что лишь 1/10 людей должны получать высшее развитие, а что остальные 9/10 служат лишь материалом и средством. Я знал, что это факт и что пока иначе невозможно и что уродливые утопии лишь злы и уродливы и не выдерживают критики. Но я никогда не стоял за мысль, что 9/10 надо консервировать и что это-то и есть та святыня, которую сохранять должно. Эта идея ужасная и совершенно антихристианская»*. (Из черновиков к роману «Бесы»).

Но в том-то и заключается великая правда гения, в данном случае гения художественной мысли, что через обыденное, известное, подразумеваемое и пр. он провидчески изрекает *истину*. В данном аспекте Достоевский, исходя вроде бы из известного, социобиологического в человеке, в человеческом социуме, предрек «шигалевщину» — *социальный вирус*, что, выйдя из априорной биоэволюции социобиологической нормы, становится в последующие эпохи империализма и его высшей стадии — глобализма разрушителем этой нормы: от 1/10 → 1/100 → и так далее, то есть разрушителем-регулятором эволюции в том смысле, что, как змея, жалиющая себя в хвост в известной масонской символике (масоны все знали о грядущем *светопреставлении!*), социальная эволюция на заключительном этапе империализма уничтожает его, свое же порождение. А зачем она это делает? — Для перехода к следующему своему этапу, уже после полного свершения биосферно-ноосферного перехода**. Шигалевщина же своим девизом несет формулу римского права: *summa jus summa injuria* — высочайшее право есть высочайшее бесправие.

...В эпиграфе к очерку три определяющие слова: светопреставление, нытики и «черно-желто-белый кот». О первом из них уже сказано выше. А вот и о нытиках, которые у Достоевского не обделены вниманием и исполняют некую роль социального фона.

Нытики — это та обязательная составляющая человеческой массы, что поражена социальным вирусом бездеятельного брюзжания. Привычнее ее назвать худшим видом либерализма. Персонаж «Идиота» Евгений Павлович говорит в этой части: *«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.) либерал, а*

---

* См.: Субетто А. И. Диктатура кажимости на фоне рыночного экоцида основ жизни России и человечества на Земле: научно-философский очерк / Под ред. В. Т. Пуляева.— СПб: Астерион, 2021.— 28 с. (А. И. Субетто — видный ученый в области ноосферологии и смежных философских и политэкономических отраслей науки. Президент Ноосферной общественной академии наук, Заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, д-р эконо. наук. Строил космодром в Плесецке, полковник Космических войск СССР (в отставке).

** Довлеющая тема настоящего очерка: этап глобализации в переходе биосферы Земли в ее новое качество — ноосферу (по В. И. Вернадскому). Наша концепция этого перехода в развитии теории В.И. Вернадского изложена в продолжающейся серии монографий «Живая материя и феноменология ноосферы» (на настоящий момент вышло 17 томов). Печатается в различных издательствах: ЛКИ/URSS (Москва), «Астерион» (СПб), «Московский Парнас», «Триада» (Тверь), Изд-во Тульского госуниверситета. В электронной форме см. на различных (научных) сайтах — по поисковику. Также и на сайте www.pz.tula.ru журнала «Приокские зори».

есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую».

Таким образом, для Достоевского либерализм есть, во-первых, необходимая составляющая социума, но во-вторых, «русский либерал... есть не русский либерал», то есть плохо усвоенная калька с европейского. А почему именно плохо усвоенная? — Здесь общий ответ дает Л. Д. Троцкий (кстати, блестящий публицист): *«Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику»* («Литература и революция», 1922). Спешно же наученный чему-либо есть дилетант, то есть источник информационного шума и приемник такового же — в наше время от СМИ, настраиваемых Великим глобализатором, оно же гибридное Тайное мировое правительство, экспериментальным предшественником которого явился у средневековых франкмасонов *Comite permanent universeb* (Союзный совет или всемирная управа). Таким образом, либеральная среда суть боевой отряд, но именно в боевитой пассивности, движитель расплозющегося глобализма. Причем эта функции либерализма опять же гибридные, то есть не зависят от исторической традиции конкретного социума. Вроде бы западный либерализм с предшествующей ему двухтысячелетней культурой, что и отмечает Достоевский невяно словами Евгения Павловича, должен бы активно противостоять нынешнему наглому натиску глобализованной финансовой олигархии мирового империализма... но, увы, его лозунг, кстати говоря, опять же от масонов, *liberte, egalite, fraternite* в единый миг переродился в *liberte, egalite, Charite*, как сейчас сами европейцы иронизируют (здесь игра слов: имеют в виду берлинскую клинику общей терапии Шаритэ, но подразумевают парижскую психиатричку с тем же названием...).

Но возвращаемся к определению Достоевским именно русского, беспочвенного, только на шумоизвержение и способного, либерализма. Дополним это определение и высказывание Троцкого услышанным Иваном Карамазовым в горячечном его бреде от черта: *«То-то вот реформы-то на неподготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений — один только вред!»*

Скороспелый, всего-то лишь с полуторавековой — а у Европы два тысячелетия! — историей, от реформаторства царя Александра Второго, двойного Освободителя (русских крестьян с землей и балканских славян от турок), русский по характеру и европейский по спешно воспринятым чужим прописям, отечественный либерализм изначально попал в прокрустово ложе. С одной стороны его обрубают жесткая власть того же самодержавия, а с другой растягивает с вывихами всех конечностей неистребимое желание какой-то абстрактной свободы; все как-то мимо их ушей пролетает железобетонное в своей диалектической правоте Гегелево определение: свобода есть осознанная необходимость. И когда наиболее пронизательные русские писатели XIX века, тот же Михаил Булгаков в последующем веке, пишут о затетешканном современным им Прокрустом русских либералах, то опять же нет более четкого определения, нежели данное Достоевским («Подросток»): *«Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...»*

Именно про русских либералов можно сказать, трансформируя известную сказку: вечно не в нужное время и в ненужном месте на свет явились. А потому им остается только ныть и ныть: редко озлобленно, обычно — тоскливо, а периодами и верноподданно. Как в «Униженных и оскорбленных» говорит Ивану Петровичу Маслобоев: *«— Насчет леденцов трудно сообразить, — начал он, усаживаясь подле меня на диване. — Я их купил третьего дня, в пьяном виде, в овощной лавочке, — не знаю для чего. Впрочем, может быть, для того, чтоб поддержать отечественную торговлю и промышленность».*

А русский либерализм в литературе? — Либерал потому склонен к буквхописанию, что на слух воспринимать его слова желающих мало, а бумага все стерпит. Фе-

дор Михайлович доходит до салтыково-щедринской сатирической язвительности, когда дело касается «либерала в литературе», например: «— *Владимир!*..— *шеттала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели... Новый, ужасный брак был совершен! ... Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей.— А что, душечка, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? — сказал он, потренивав жену по щеке*». («Бедные люди», из писаний Ратазяева).

В наш, скорбно наступивший, век торжества Великого глобализатора только скороспелый русский либерал не изменил свою натуру: как был нытиком под отеческой опекой Прокруста, там тем и остался. Но что удивительно, так это переход и просвещенного, с тысячелетними традициями вольнолюбия и осознания своей социумной роли (см. выше у Достоевского о необходимости либерализма) европейского либерализма, то что у нас традиционно называют западным, в разряд все тех же нытиков? Великий глобализатор всех и вся уравнивал в правах — правах вечно ноющих (значит, несколько неисправных, в перспективе имеющих место быть вовсе выброшенными) винтиков и колесиков мегамашины эпохи завершающей стадии мирового (см. определения выше) империализма. Так что сейчас Евгению Павловичу и расцеловать публично уже некого будет.

А нытик, по архиверным словам А. Н. Энгельгардта*, суть предвестник светопредставления, каковым в нашем веке положено считать полное торжество Великого глобализатора — с полным подавлением творческой личности и утратой социумом всемирного человеичника (термин А. А. Зиновьева) всех оттенков самоидентификации. Все будут одинаковыми, смугленькими такими (по памяти пишем, не закавычиваем потому) — говорил восторженный интуитивный коммунист Макар Нагульнов в «Поднятой целине» М. А. Шолохова. Завершим этот раздел многозначительными словами Джеймса Джойса: «*Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас, но только глазами того, кем я буду тогда*» («Улисс», часть II. Эпизод 9).

...*И все же еще добавим*. Не в качестве <лицемерного> самооправдания, но для откровенного объяснения с читателями: ни себя, ни <очень> многих других, пишущих — а значит и много думающих, размышляющих! — о семимильных шагах наступающего на земной мир Великого глобализатора, даже отдаленно не отношу к либералам вообще, тем более к нытикам. Ибо нытик поет на ноту «си» — это где воспоминания о достославных временах, когда сахар был слаще и вода мокрее (хотя бы так и было). Исследователь же глобалистского, самого жестокого этапа биосферно-ноосферного перехода в социально-экономической эволюции Земли, есть опережающий открыватель того будущего, что ожидает нас. Истинный же ученый, философ, мыслитель, даже если думает и пишет эмоционально, тем не менее эмоциям в главном, в предвидении, не поддается. Каким бы это предвидение не являлось. Будущее всегда человеком воспринимается настороженно. А исследователь даже самого безрадостного будущего внутренне холоден и отстранен... как тот участник маскарада: «*Он не снимал маски. По-прежнему странное и горькое удовольствие доставляло ему — смотреть, не будучи замеченным*» (Борис Зайцев «Голубая звезда»).

...Наконец, третье из определяющих словосочетаний в эпитафии выделим в самостоятельный подраздел.

«**Черно-желто-белый кот**» у Достоевского. В своем знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский» Д. С. Мережковский, имея в виду повторяющихся пер-

---

* Александр Николаевич Энгельгардт — из старинного русского (несмотря на нерусскую фамилию) дворянского рода, выдающийся химик уровня Менделеева, Бекетова, Бородина (композитора тож), петербургский профессор. Сосланный за поддержку студенческих волнений в свое смоленское имение, на его базе создал передовое в России сельхозпредприятие. Книгу «Из деревни» высоко оценили и цитировали Маркс и Ленин, а Сталин рекомендовал ее как настольную всем сельхозруководителям... И отменным публицистом был.

сонажей с эпилептической болезнью в произведениях Достоевского, пишет следующее: *«Другими словами: есть ли цель всемирно-исторического развития бесконечное продолжение во времени, в преемственности культур, в чреде поколений, или некоторое окончательное завершение всех исторических судеб, всех «времен и сроков» в мгновении «высшего бытия» (описанное Достоевским состояние «высшего прозрения» в момент начала эпилептического припадка.— А.Я.), в том, что христианская мистика называет «кончиною мира»?»*

То есть Мережковский опосредованно, через высказывания персонажей произведений Достоевского, сравнивает, говоря современным языком, две базовые концепции социальной, человеческой эволюции: бесконечное развитие без обозначенного исчерпывания потенциала, а в противовес ему — то самое светопреставление (из эпиграфа) или христианская, и вообще теологическая, кончина мира со вторым пришествием Христа на Землю, или — в контексте биосферно-ноосферного перехода — два, опять же, варианта: (а) концепция финализма выдающегося философа и естествоиспытателя, открывателя синантропа Пьера Тейяра де Шардена (монаха ордена иезуитов, в определенном смысле ученика В. И. Вернадского — слушал его лекции в Сорбонне) и (б) наша теория перехода интеллекта человека биологического в субстанцию коллективного планетарного разума (см. ссылку на нашу серию монографий). Ну, это к слову, хотя и не излишне для упоминания...

И по суммирующему мнению Мережковского, а главное — из собственно содержания произведений Достоевского следует приверженность последнего, как человека религиозного, с акцентом на первенство христианской морали, к финализму эволюции человека. Это мы и называем эвфемизмом «черно-желто-белый кот» у Достоевского. Он же — *социальный вирус морально-этического расчеловечивания*. Действительность этого вируса во внешних, социальных проявлениях в «Бесах» Петр Верховенский излагает Николаю Ставрогину, поясняя сущность учения Шигалева: *«Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгонят или казнят».*

Увы, и это предвидение Достоевского, понятно, негативное, ведь это шигалевщина! — сейчас активно сбывается радением Великого глобализатора: полное равенство, но именно равенство в качествах, традиционно полагававшимися недостойными статуса человека: малообразованность, бесталанность и пр. То есть глобализованный социум является *бесклассовым* обществом, обслуживающим в иерархической ступени (вассал моего вассала не мой вассал — римейк средневековой социальной пирамиды) высший мировой, империалистический олигархат. Впрочем, как уже выше отмечено, после прохождения пика глобализации, то есть «по ту сторону» биосферно-ноосферного перехода, он сам себя уничтожит, как после прохождения эпидемии исчезает вызвавший ее вирус.

В «Подростке» Достоевский вновь обращается к равенству рабов в обществе, отвергнувшем нормы христианской морали, но в частном аспекте: *«Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства».*

Но ведь стирание неравенства приматом денег и есть действие вируса морально-этического расчеловечивания: тот же верблюд через игольное ушко, на худой конец — богу богово, кесарю кесарево... Но равенство денежное суть равенство нищих духом. Так по-евангельски отрицается равенство, достигаемое деньгами. Вся пресловутая «американская мечта» есть *мек моней*, достижение равенства деньгами. Вообще говоря, молодая история США суть пробный проигрыш грядущей глобализации с

ее морально-этическим расчеловечиванием и равенством рабов духа — всемирного *человеиника*. Достоевский использует схожий термин: *муравейник* — в приложении к человеческому социуму. Великий инквизитор в «Братьях Карамазовых», в своем монологе, обращенном к Христу, препарируя три искушения Христа, которыми его подверг страшный и могучий дух, то есть искушения чудом, тайной и авторитетом, в части последнего говорит: *«Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и со-гласный муравейник (выд. нами.— А.Я.), ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей».*

Теперь же Великий инквизитор, переродившийся в Великого глобализатора, удовлетворен выполненной задачей. Тогда в Севилье вновь поветивший Землю Христос молчаливо отверг все «советы» Великого инквизитора и был приговорен им к сожжению на костре: *«В великоленных автодафе сжигали злых еретиков».* Сейчас же Великий глобализатор спокойно, уже не опасаясь появления смутьяна Христа с его древней, евангельской моралью, с улыбкой на клякстом лице благословляет миллиарды, составляющие *общий и согласный муравейник-человеиник*. Потребность для человечества всемирного соединения удовлетворена сполна, правда, для этого пришлось *<обоим Великим>* отучить людей от следования нормам Христовой... впрочем, любой морали. Да и человечество-то подспудно вздохнуло: не до морали, мол, не до нее винтикам мегамашины глобализма — империализма!

...Общность, коллективизм и прочие объединяющие качества есть палка о двух концах в социальной эволюции человека. Кто как не Достоевский это прекрасно понимал? В отличии от Шигалева, другой «видный» персонаж «Бесов», а именно Шатов, говорит: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре».*

...И вовсе заплодировал бы Великий глобализатор словам Кириллова из тех же «Бесов»; мы приведем их в передаче Д. С. Мережковского из названного выше его трактата — с его акцентацией подчеркиванием: *«— Тогда новая жизнь,— говорит Кириллов Ставрогину,— тогда новый человек, тогда все новое... Тогда историю будут разделять на две части: от гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога до (здесь и далее выд. Д.С. Мережковским.— А.Я.)... — До гориллы?..— с холодной усмешкою подхватил Ставрогин.— ... до перемены земли и человека физически,— продолжает Кириллов с невозмутимостью.— Будет богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли, и все чувства».*

Действительно, уже сейчас, еще на подступах к пику глобализации (мировой империализации), «боги стали общими», а лицемерно зовут этого общего бога «общечеловеческими ценностями», то есть долларами, евро и набирающими силу цифровыми битковенами. С таким общим богом на глазах наших уничтожаются народности, особенно европейские, то есть лишаются Великим глобализатором своей национальной идентификации. Здесь и пояснять нечего: превознемогая отвращение, пройдите по «жанрово-видовым» сайтам, или как там их называют? интернета. Или по телеканалам частным кнопками на пульте пощелкайте. И слова Шатова об умирающих богах, вере в них и собственно народах суть *<нынешний, сбывшийся>* реквием по уничтоженной глобализмом-империализмом христианской морали — мы о Западе, Европе и Америке говорим — и человека биологического в ипостаси творческого, аналогово мыслящего. А из пикировки Кириллова со Ставрогиным, перенесенной в наши дни, прямо следует утверждение: в глобалистский, апофеозно-империалистический начальный и самый жестокий период биосферно-ноосферного перехода изме-

няется и Земля, сменив свой прежний биосферный, биологический облик на виртуально-цифровой ноосферный, а сам человек *биологический* превращается в *биотехнический* (как голова профессора Доуэля у нашего классика фантастики) придаток мировых телекоммуникационных сетей, отстраняясь от все более автоматизированной производительной деятельности — без участия человека непосредственно. Он, человек эпохи глобализма, все более становится ненужным, невостребованным. И усмешка Ставрогина об обратном пути эволюции человека — до гориллы — сейчас даже с натяжкой не является неприхотливым юмором... Кстати, припомните-ка популярны в семидесятые годы отксеренные рисунки-плакатики, которыми в те советско-либеральные времена остряки украшали стены своих рабочих помещений: ряд изображений эволюционирующих видов гоминоидов, вроде даже от макаки, до *homo sapiens* (в шляпе и при галстуке), а далее — обратный ход до макаки... Замечательная иллюстрация к диалогу из «Бесов»; см. выше.

Итак, с черно-желто-белым котом у Достоевского все архипонятно: светопреставление как действие вируса уничтожения моральных и творческо-мыслительных качеств человека биологического: обратный ход в сторону гориллы. А Великий глобализатор в проводимом им расчеловечивании еще и похохатывает, дескать, «*satana sum et nihil humanum a me alienum puto*» (Я сатана, и ничто человеческое мне не чуждо).

Вирус кажимости, как служебный мундир Великого глобализатора. Удивительно емкий, всеохватывающий термин *кажимость* ввел в обиход наш научный коллега Александр Иванович Субетто в своей новой книге (см. ссылку на нее в начале этого очерка). Это от глагола *казаться*, причем именно в семантике категорического императива, то есть не чем-то там казаться, показываться и пр., но казаться как убеждать, дескать, если я и кажусь, то это кажимость для неперемногого исполнения. Если по обычной человеческой логике необходимо доказывать, что я (ты, они) не верблюд, то для действенности вируса кажимости логика не работает: верблюд так верблюд! ...Вот написал и самому смешно стало, ибо вспомнил высказывание Достоевского («Дневник писателя», 1873): «*В русском человеке дерзости его ученого языка — почти нет пределов*». Ну-у, это у нас опять к слову.

В нашем понимании кажимость суть виртуализация реальности с исключением действенности логики. Опять вернемся к так полюбившемуся нам кораблю пустыни. Невозможно убедить трезвого человека в том, что он верблюд, ибо всякая реальность за рамки логики мышления не выходит. Но вот в виртуальной реальности такая кажимость возможна — по принципу: назови хоть горшком, только в печь не ставь! Ведь мало кто сейчас уже сомневается, что криптовалюта (битковены или биткоэны? — на слух не разберешь, а по-русски написанное название это как-то не встречалось) есть деньги? Так и с верблюдом. Главное — это создать эффект кажимости в том же категорическом императиве. Здесь к месту, то есть к переходу от сугубой реальности к виртуальности, будет привести цитату из уже упоминавшегося Джеймса Джойса: «*В ответ на вопрос о своих первых ощущениях по прохождению великого порога запредельных миров он сообщил, что прежде видел как бы сквозь тусклое стекло, однако переступившим порог открываются высочайшие возможности атмического развития*» («Улисс». Часть II. Эпизод 12).

Запредельным для обычного пока еще человека биологического и является надвигающийся мир виртуальной реальности. Опять же особых пояснений не требуется, хотя «высочайшие возможности атмического развития» — это сильно сказано применительно к миру виртуальной реальности, хотя... в чем-то, может и в основном, жизнь в виртуальном мире сравнима с наркотическим состоянием, в каком-то великолепии дурманных снов непередаваемо разнообразно. Опять же из «Братьев Карамазовых»: «... *Клянусь тебе, Лев Толстой не сочинит, а между тем видят такие сны иной раз вовсе не сочинители, совсем заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы...*»

Главное в кажимости есть пресечение всякой логики понимания, суждения и восприятия. Человек ленив по матушке природе, устал он карабкаться по своей эволюционной лестнице, поэтому Великому глобализатору в части социальной вирусологии всегда легко убедить такого ленивца в излишестве для него какой-либо логики, дескать, *«тут опять их логика; но ведь в логике и всегда тоска»* — фраза к месту из «Подростка».

...Вовсе не следует полагать, что в своей работе Великий глобализатор делает ставку на дураков, мол, ему легче объяснить, что он ... это мы снова про верблюда. Вовсе нет. Во-первых, число обычных дураков среди людей так же строго процентно ограничено природой, как у носителей таких недугов, как шизофрения, гомосексуализм, куриная слепота (гемеропия по-медицински) и пр. Во-вторых, предоставим слово Федору Михайловичу: *«Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...»* («Ряд статей о русской литературе», 1861).

Да-да, на дураках не выедешь. Но ведь только восемь процентов людей мыслят самодостаточно, поэтому, за вычетом двух-трех процентов дураков от рождения, остается *масса* почти 9/10 от всего населения Земли! Но ведь нет таких крепостей, которых не могли бы взять... слуги Антихриста — ныне в облике Великого глобализатора. И перевод этих 9/10 из реальности в виртуальность — самый успешный путь к расчеловечиванию. Ведь если *«в реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры»* (из «Братьев Карамазовых»), то в состоянии виртуального дурмана адепт религии глобализации ежесекундно напитывается *чудесами кажимости* в терминах той веры, что ему внушает Великий глобализатор. И такой адепт сродни капитану Лебядкину из «Бесов»: *«Если бога нет, то какой же я после того капитан?»* В безверии и кажимость заменяет реальность — те же капитанские эполеты, значит. Словом, посмотрите на досуге трогательную ТВ-программу «В гостях у цифры». ...Здесь ваш покорный слуга мысленно рассмеялся, вспомнив из далекого заполярного детства. Когда в Мурманске, на сопке Варничной, установили телебашню, началось вещание областного телевидения (тогда техника еще не позволяла вести всесоюзное телевидение), а каждый день в девять часов вечера на экранах появлялась добрая тетя, именовавшаяся «Бабушкой Телевизоровной» — аналог чуть более поздних «Спокойной ночи, малыши». Как-то Бабушка Телевизоровна у меня проассоциировалась с программой этой — «В гостях у цифры». Впрочем, может и неосознанно — тогда телевидение во всем мире было только аналоговое, не цифровое.

На первый взгляд, кажимость вроде как можно соотнести с примитивным обменом или более уточненными «навыками чарами» (это из литературной классики). Опять же это слишком просто. Наваждение? — но это тоже по части навых чар. Чтобы в очередной раз не обращаться к верблюдам, рассмотрим кажимость как служебный мундир Великого глобализатора. Кажимость предполагает арену воспринимающих численностью во все те миллиарды людей, что населяют Землю. Но ведь, по крайней мере до сих пор, все они, как и их дактилоскопические отпечатки, являлись на свет разными — сначала в потенции, затем в развитии и самовыражении. В «Преступлении и наказании» Раскольников так говорит Порфирию Петровичу о людях «обыкновенных» и «необыкновенных», то есть по теме текущих наших рассуждений: *«Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным»*.

Об одном из таких законов социобиологии упоминалось выше: «восьмипроцентная норма» самодостаточно мыслящих людей. И о процентной норме людей с теми или иными отклонениями. Главное — все люди разные, даже дураки нетипичны в этом славном качестве. Задача же Великого глобализатора — *показать* всеобщее

равенство людей, их одинаковость в глазах друг друга: сначала убедить в таковой кажимости, а затем умелым подбором манипуляций сознанием людей и подлинно сделать таковых одинаковыми... винтиками мегамашины глобализованного социума. А одинаковыми их можно сделать только единственно снизив у всех качество мышления до общей нижней планки. Первым шагом здесь исторически явился дилетантизм. Приведем в данном плане парадоксальное мнение Льва Толстого с дополнением тоже Льва, только... Троцкого: *«Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежество (здесь и далее выд. Л. Д. Троцким.— А.Я.) — это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма — это несомненно»* (см. цитированную выше книгу).

Бедный Иоганн Генсфляйш Гуттенберг, достопочтенный ювелир из Майнца! Он облагодетельствовал человечество изобретением книгопечатания (а задолго еще до него китайцы изобрели шелкографию, и в Древней Индии уже оттискивали буквы азбуки Девангери с печатных досок...), не помышляя, что слуги Антихриста в его изобретение подсунули вирус дилетантизма, который впоследствии Великий глобализатор мутировал в высшую форму дилетантизма, усредненное невежество, посредством оцифровывания мышления и сведения прежде творческого (аналогового) мышления в утилитарное компьютерное мышление винтика Молоха мегамашины глобализации. Или другое наименование: *кликое мышление*, а в одежде кажимости — умильное «клик от слова откликнуться», как нас сейчас увещевает телеэкран... Остроумно и пакостно. В данном контексте занимателен Фома Фомич Опискин, персонаж «Села Степанчикова и его обитателей» Достоевского — в качестве усреднителя мыслей и поступков: *«Что хочешь, говорю, Фома, все для тебя сделаю. Вот ты велел мне сбрить бакенбарды, потому что в них мало патриотизма,— я сбрил, поморщился, а сбрил».*

...Опять же в переключке времени Достоевского и нашего, нынешнего. Фома Опискин велит сбрить бакенбарды как антипатриотичные — действие кажимости, то есть сугубо внешней формы без осмысления причинности. Но вот сейчас, уже пять лет, вся молодежь мира в одночасье «обакенбардилась»: все, как инкубаторские, соорудили себе головные приборы: бородка на кадыке — под «иглиловца, смелого бойца» и прическа с выбритыми висками — под хохлацкий оселедец. Это Великий глобализатор повелел таковой кажимостью создать единый мундир — вместо осмысления. Особенно дико такие омундиренные смотрятся в России, учитывая ее нынешние взаимодействия с США и Украиной... Но опять же никто из людской массы об этом не задумывается, а масс-медиа <глухо как в танке> помалкивают. Л. Д. Троцкий, в определенном смысле слуга еще юного Великого глобализатора (не зря Ленин назвал его Иудушкой...), одержимый мировой революцией, уже писал в «Литературе и революции» о контурах грядущего глобализма: *«Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар — обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволока телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть (выд. нами.— А.Я.), точно школьный глобус».*

Точно о нашем времени Лев Давидович писал, только вместо чугунных рельс — тысячи одновременно находящиеся в полете лайнеров «боингов» и «айрбасов», способных за неполные сутки разнести по всему миру вирусную заразу, а про искусственную сеть прямо в точку попал: интернет — основной инструмент Великого глобализатора по расчеловечиванию и умозамещению (термин наш).

Достоевский относит предтечу глобализации к временам античности, оговариваясь, что таковую <глобализацию> на длительный срок прервала христианская идея: *«Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала перед христианством — формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея*

европейского человечества, из нее составила его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет. Пока лишь идея всемирной римской монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе» («Дневник писателя»).

Но к самой великой в истории человечества битве глобализма и христианской морали («Христос и Антихрист» — название цикла романов Д. С. Мережковского) — битва за будущее человечество — вернемся в следующем разделе очерка. Пока же привели слова Достоевского в контексте несомнютности глобализации, напоминая о ее далеких исторических истоках. Вернемся к вирусу кажимости, из которой сотканы мундиры воплощений Антихриста, то есть Великого инквизитора и Велико-глобализатора.

...Самый знаменитый древнееврейский врач и философ Маймонид восстановил против себя иудаистский синедрион, то есть евангельских фарисеев и книжников, заявив, что суббота создана для человека, а не человек для субботы. Для глобалистов понятие веры, религии и пр. не существует (см. выше), поэтому, используя ветхозаветное обобщенное понятие закона, далее зашифрованное от непосвященных в талмуде, они расширили инвертированную формулу Маймонида: *не закон создан для человека, а человек для закона*. Это стало высочайшей — и подлейшей, заметим, по отношению к человеку биологическому разумному — формой кажимости. Действительно, закон Божий в христианстве, основном противнике глобализации, дан человеку, создан для человека, чтобы по своим морально-этическим канонам (заповедям) вести его в устремленности позитивизма эволюции. И именно закон должен ограждать индивидуального человека от вовлечения его в соты человеиника. А позитивизм эволюции человека очень проникновенно определил Д. С. Мережковский в своем трактате о Льве Толстом и Ф. М. Достоевском, а именно: «...Человек... и есть по преимуществу живое, не замершее, не остановившееся, легко и естественно преобразующееся, переливающееся из одной телесной формы в другую... вместе с тем предчувствует, что он, человек,— не последняя достигнутая цель, не последний неподвижный венец природы, а только путь, только переход, только временно через бездну переброшенный мост от дочеловеческого к сверхчеловеческому, от Зверя к Богу».

То есть если вначале Мережковский говорит об общем течении биоэволюции: «переливающееся из одной телесной формы в другую», то есть в последовательности живых видов, то на стадии человека разумного биологическая, «телесная» эволюция вроде как останавливается, завершается. Но далее биоэволюция в человеке переходит в социоэволюцию: «от Зверя к Богу». Такая трансформация суть *следование человека закону*, понимаемому обобщенно — закону творческой эволюции (название нобелевской книги Анри Бергсона) человека. И это, как представляется самому человеку, единственно верное его эволюционное движение, оправдывающее причину создания эволюцией *homo sapiens*!

...Не менее проникновенно-художественно Достоевский описывает такое творческое представление самого человека (в «Хозяйке»): «Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отраднй образ идеи, воплощенной в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!»

Всякий творческий человек, читая эти пронзительные строки, написанные рукой гения, почувствует ошутимый озноб восторга и душевного пламенения: Господи! как бескрайне велик мир познания, но он же и открыт для тебя: дерзай, терзайся, но твори, не уставая, и кажется, что нет предела твоим творческим исканиям!

...Не дано человеку даже в *minutum minutorum*, в самом призрачном абрисе, в

легчайшем намеке-подсказке знать о дальнейшем пути эволюции самого себя, то есть человечества. Он, человек, и жив-то только позитивом и оптимизмом. Есть Закон (с большой буквы) эволюции, не может она с ее мудрейшими законами заморозиться на человеке нынешнем. Но вот социальная эволюция привела человека к биосферно-ноосферному переходу, а его начало, подъем преподнес человечеству глобализацию, как высшую и завершающую стадию финансово-олигархического империализма, всемирного, по словам Л. Д. Троцкого «одевшего весь земной шар в искусственную сеть» (см. комментарий выше). Явлен был земшару Великий глобализатор *в служебном мундире кажимости*, пуговицы, эполеты, всевозможные знаки расцветивания боевых побед и даже почетные нашивки за ранения и контузии (напоминание о 2000-летнем ряде поражений от Христовой морали и нравственности) которого есть олицетворение методологии, методов и методик расчеловечивания. А эти «три эм» суть сочетание качеств: лицемерие, пресловутые политкорректность и толерантность-«толерастия», прямой и грубый обман, эффекты обратимости черного в белое и наоборот и много чего другого. Ибо на кажимости легче всего заманить в *искусственную сеть* человека: смутить неверием (по-русски — поплеви́змом) робкого; насильно, через «гелббельсовские настройки» ТВ и прочих СМИ, для основной уже массы — через интернет, внести вирус сомнения в душу и мозг сильною... известно, что по догматам католицизма (Фома Аквинский) сомнение есть прямой путь в ад.

И постепенно, но ураганно-стремительно сравнительно с течением естественной эволюции, таковыми приемами Великий глобализатор уже внедрил в практику жизни всех людей Земли, что *человек создан для закона...* разумеется, для закона безусловной поддержки глобализации и активного участия статистом и подзаконным субъектом все того же человека. А сам закон этот не в «ударную пятилетку» Великим глобализатором сочинен, но формировался постепенно во всю эволюцию человека; историческая теза и антитеза: добро и зло, Христос и Антихрист, творческий коллективизм и утилитарный индивидуализм и так далее. С одной стороны, скорее верблюд (давно уже не поминали тягловую силу пустыни!) в угольное ушко пройдет, чем богач в рай попадет, а с другой: *«Отнеслись намедни в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская — деньгу уметь зашибить»* («Бедные люди» Ф. М. Достоевского). Чтобы не «перепрофилировать» очерк в тематический трактат о *приемах кажимости* Великого глобализатора, ограничимся примером, но таким, который вечно, почти от Адама и Евы, служит источником злободневных неиссякаемых дискуссий, а именно речь пойдет о... винопитии!

Лень человеческая в то же время стимулирует работу мышления. Это не парадокс, но общеизвестная истина. В частности, «лень — стимулятор изобретательности» есть утверждение, вытекающее из законов психологии человека. Это мы к тому, что и нам сейчас лень перелистывать три тома «Опытов» Мишеля Монтеня, а потому по памяти приведем его высказывание о винопитии. А ведь Монтень был врачом по профессии и знал что пишет! *Итак, по Монтеню — вино есть величайшее и полезнейшее создание человечества, поскольку именно оно, вино, стимулирует творческое мышление человека, особенно в части художественного, возвышает его мысль до вершин чувственного, образного опыта, раскрепощает и приносит свободу в поиски истины. И вовсе несправедливо называть человека, употребляющего вино, животным. На самом деле к таковому гораздо ближе абсолютно непьющий человек.*

...Категорично высказался выдающийся философ-эссеист и практикующий врач. Но мы возьмем от него только момент: *вино приносит* (в качестве время-от-времени стимулятора) *свободу в поиски истины*. Но ведь именно свобода в поисках истины и есть главный врач Великого глобализатора в превращении человечества в человекийник, а <прежде индивидуального> человека в безликий винтик мегамашины глобализации-империализма. Так возникает кажимость абсолютного вреда винопития. Тем более, что этот винтик должен быть здоров физически (но не умственно...).

Еще в Древнем Риме действовал девиз: вино, женщины и искусства принадлежат только избранным. Массам же — хлеба и зрелищ (тогда вместо футбола под ними подразумевались бои гладиаторов). Сразу оговоримся, что этот древнеримский «сухой закон» для народа никак не следует соотносить с запретом винопития в религии иудаизма (Ветхий Завет, Тора и Талмуд) и в позднейшем Коране. Здесь причины запрета винопития, равно как и кошурата у иудеев и халялята у мусульман, иные, возможно связанные с климатом Иудеи и Аравии, откуда идут истоки этих мировых религий. Опять же и виноград, по крайней мере в древности, там не выращивался.

Победившее в Европе христианство «легализовало» винопитие; во-первых, виноградарство и не совсем комфортный климат в Северной Европе тому способствовали; а во-вторых, таинство причащения — евхаристия ввело вино в обязательный церковный обряд. То есть практически до окончания XIX века, когда Великий глобализатор еще только продумывал диспозицию своего решающего наступления на человеческий мир, незримо и тайно скрываясь в среде розенкрейцеров, ранних и поздних масонов, в наиболее одиозных христианских сектах и пр., никто особо на винопитие внимание не обращал. Но именно с конца XIX века начинается и негативное отношение к употреблению спиртного. Здесь на первое место выступают именно секты и протестантизм Европы (лютеранство, кальвинизм, отчасти и англиканство): от локальных обществ трезвости до объявления общегосударственных «сухих законов»: скандинавские страны и Финляндия, а особенно США. Вот здесь уже чувствуется прием кажимости Великого глобализатора: под тезисом вредности потребления алкоголя реализуются задачи по расчеловечиванию, вовлечению в челоуейник, а главное: винтик мегамашины должен быть физически здоров и не иметь *никаких стимулов* к самодостаточному мышлению.

...Заметим, что введение «сухого закона» в Российской империи с началом Первой мировой (империалистической) войны и его продление в Советской России до окончания периода «военного коммунизма» (до «рыковки» одноименного наркома...) *не являлось* действием кажимости Великого глобализатора, но исключительно необходимыми устрожениями в части дисциплины в годы войны и первые годы становления советского государства. И вообще в истории России, как царской, так и советской (здесь при не очень умных правителях), «борьба за трезвость», или «борьба с трезвостью», как народ окрестил кампанию Горбачева, будь не к ночи он помянут, всегда носила несколько анекдотический характер ввиду извечного русского администрирования, штурмовщины и показной кампанейщины. Как здесь не вспомнить популярнейшего в конце XIX — начале XX веков писателя П. Д. Боборыкина, что в повести «Поумнел» едко отметил отношение русского человека к «вреде винопития»: *«Матов налил стаканчик водки, перекрестился, дунул в стакан (чтобы отогнать беса, который сидит в водке), проговорил: «будьте здоровы», отпил глоток и, наполнив стакан вровень с краем, подал мне с поклоном»*. А еще конкретнее и убедительнее о русском администрировании в вопросах «борьбы» сказал все тот же А. Н. Энгельгардт («Из деревни...»): *«Я совершенно убежден, что разные меры против пьянства — чтобы на мельнице не было кабака, чтобы кабак отстоял от волостного правления на известное число сажжен (экая штука мужику пройти несколько сажжен — я вот за 15 верст на станцию езжу, чтобы выпить пива, которого нет в деревне) и пр. и пр. — суть меры ненужные, стеснительные и бесполезные»*.

...Как это знакомо всем поколениям ныне живущих! Вот в моем доме с торца винный магазин сетевой с названием на американо-нижегородском языке «Красное&белое». Так он не продает спиртное в дни футбольных матчей нашего полуславянского «Арсенала», ибо отстоит от стадиона (бывш. «Имени 50-летия ВЛКСМ») на 950 метров, а в дни «большого футбола» продажа «кирки» запрещена в радиусе 1000 метров от означенного стадиона. Но ведь другой магазин «с продажей», расположенный в нашем же квартале, уже не входит в ограничительный радиус! А еще трезвому

человеку что стоит гуляючи пройти эти пятьдесят с небольшим метров? Много смешного в нашей стране; если бы все это отменили, так и скучно бы стало... Добрый наш народ! Даже малой и средней власти обычно сочувствует — это уже у Достоевского смотрите во многих его произведениях.

Конечно, и у нас без кажимости не обошлось — это в ситуации горбачевской «борьбы с трезвостью» и с воследовавшим разливанным пьяным разгулом «лихих девяностых». Мало кто сомневается, что оная «трезвость» умышленно предшествовала такому разгулу — чувствуется рука Великого глобализатора: эффект «из бани в снег», или сначала озадачить, а потом и огорошить. Все было продумано: довести мужика до озлобления талонами на водку и стоянием в двухчасовых очередях на морозе, а затем сразу и круглосуточно во всех магазинах и палатках-сникерсных пойлом народ одурманивать, отвлекать людей от позора ликвидации советской сверхдержавы и продажи родины оптом и на вынос...

...Но вот в новом веке в России кажимость в сорокаградусном деле уже и не потребовалась: сработал «эффект Кроша», как я его именую. Старшие и средние поколения помнят замечательный фильм «Каникулы Кроша» из серии кинокартин о приключениях вихрастого мальчишки. Так этот Крош произнес знаменательные слова, что люди перестанут совсем пить, если у *каждого* появится свой автомобиль. Конгениально сказал, провидчески! И сейчас, когда почти *каждый* имеет автомобиль, обычно ему вовсе и не нужный, но приобретенный по принципу тусовки: «у Петьки машина есть, а я чем хуже?» народ в массе своей ... перестал пить! Опять же все более устрашающиеся «гаишные» законы стимулирую этот процесс. Заодно полностью разрушивший отлаженную советскую систему общественного транспорта. В *pendant*, как говорят французы, в дополнение...

Итак, в вопросе винопития у нас обошлось без кажимости с ее инверсией отношения человека и закона, но вот на Западе, учитывая его исторический либерализм, Великий глобализатор идет на всевозможные ухищрения. Не будем отвлекаться от темы очерка, отметим только поощряемый там *кажимостью* перевод людей от алкоголя (и курения!) на умеренные наркотики: они идеально подходят под задачу глобализации по ликвидации остатков самодостаточного мышления у людей, почти уже роботов.

У Достоевского тема кажимости в части морали и нравственности всесторонне раскрыта в «Бесах», «Идиоте» и «Дневниках писателя».

От Великого инквизитора к Великому глобализатору и их решительная схватка с Христовой моралью. Достоевский, как и Шекспир, не является писателем-морализатором. Иначе он бы не был мировым литературным гением. Вот Лев Толстой, гений русской литературы, что вовсе необходимо для его имени будет сказать, был выраженным апологетом христианской морали, особенно в своей обширной публицистике. Но ведь эта христианская мораль у Толстого все более возрастает и в его художественных произведениях: от «Войны и мира» (особенно окончания романа) к «Анне Карениной», но вот «Воскресение» — это вовсе христианский, социальный манифест Толстого! ...Хотя бы именно за *несколько строк* этого романа Свщ. Синод и счел писателя «временно отпавшим от русской православной церкви» (ни в коем случае не отлучил, как распространено считают...) с определением: за издевательство над таинством обряда евхаристии.

Достоевский в своем творчестве, тем более в художественном, не таков. Он не морализует на страницах своих книг, но выступает априорным носителем моральных христианских категорий. Поэтому Достоевский не убеждает своих читателей в неизбежной правоте и социальной адекватности христианской морали, но опосредованно ищет у читателя согласия со своей <писательской> правотой, каковая суть правота морали Христовой.... Это вполне отвечает определению Д. С. Мережковского, талантливого литературного публициста, Льва Толстого и Достоевского как художников «телесного в человеке» и «духовного в человеке», соответственно.

Под религиозным чувством Достоевский, кстати как и Лев Толстой, понимал, разумеется, не церковную обрядовость, но моральные нормы, идущие от евангельской Нагорной проповеди Христа, то есть от заповедей блаженств Нового Завета. Устами князя Мышкина, обращенными к Парфену Рогожину, в «Идиоте» Достоевский определяет это чувство: *«Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то (выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.) говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу».*

В «Идиоте», заметим, равно как в других романах и повестях Достоевского, а также в публицистике, прежде всего в «Дневниках писателя», многие рассуждения об отходе католичества от истинной морали Христовой — квинтэссенция в «Легенде о Великом инквизиторе»! — ведутся на сравнении с православием, преимущественно русским, в котором таковая мораль еще крепко держится. Причем держится-то не устройением и функционированием православной церкви как учреждения (тем более государственного полностью со времен Петра Первого), но исключительно принятием и личным поддержанием этих норм большей частью русского народа, крестьянства преимущественно, для которого, когда еще не испорченного идущим от Европы «просвещенным цивилизаторством», истинно: *«Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к «боженьке»... А потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неускупленными слезами своими к «боженьке!»»*

...Обычно в литературоведении эти слова из «Братьев Карамазовых» (начало и окончание цитаты разделены в книге тремя страницами) про слезинки ребеночка к «боженьке» трактуют в социальном плане. Это несколько прямолинейно, хотя и доходчиво для читателя: ведь чтение Достоевского есть труд соучастия с писателем! А смысл же подлинный слов о замученном ребенке — с одновременным отказом от высшей гармонии, что дает *полное* познание мира — заключен в осознании той диалектической истины, что мораль Христова не коррелирует с <полным> познанием мира вещей и отношений. Более того, проникновенное следование этой морали социально невозможно при устремлении к максимально полному познанию мира — что называется терминологически «отходом от божественной истины». И наоборот, чем больше человек познает мир, тем все меньше он оставляет места действительности Христовой морали, тем меньше ему остается времени обращаться к «слезинкам ребеночка». Потому-то персонажи «Идиота» и «Братьев Карамазовых» и склоняются к апологии русского православия в народной душе в противопоставлении с римской апостольской церковью, все более отходящей от сущности христианской морали, которую католицизм, а тем более протестантство, замещают утилитаризмом познания, вроде как забывая символ христианства: верую, ибо не сомневаюсь в своей вере.

Читатель уже отметил: переходим к «Легенде о Великом инквизиторе». Действительно, отвлекать от устройства церкви-учреждения и религии как социальной системы (Лев Толстой и Достоевский так же говорят, но иными, имманентными их времени, словами), как мы может дать определение *веры в Христову мораль?* — Аналогично ставится вопрос и для остальных трех канонических мировых религий, но мы здесь говорим о мире христианском. Ответ заключается, и это неявно, но очевидно является стержнем всего творчества Достоевского, в самом *феномене христианства*, как морального учения. Это истинно феномен высшей формы морали, единственно явленной человечеству за десять тысяч лет эпохи цивилизации и культуры. Феномен сугубо социальный, выраженный в начальном, евангельском и новозаветном христи-

анстве. Он же творческий, созданный в гениальном прозрении будущего человечества, во многом, может быть, бессознательно сформулированный. Высшая идея, осознанная человеческим умом, как у Мережковского: *«Между силою бессознательного творчества, тем, что мы называем «гением», с одной стороны, и силою сознания, ума — с другой, существуют различные степени соразмерности, согласованности, точно так же, как между физическим объемом тела, ростом человека и его мускульною силою»* («Л. Толстой и Достоевский»).

Именно и только в <начальной, евангельской> христианской морали учтены эти «степени соразмерности» индивидуального человека. Но это не мораль индивидуалиста, напротив, индивидуальные особенности человека гармонично вписываются в сугубый коллективизм социума — и в этом кардинальное отличие *человечества*, созданного таковым христианской моралью, от нынешнего глобалистского *человеиника*, в котором «степени соразмерности» нивелированы вирусом глобализации до полного равенства винтиков: с одинаковой <правой> резьбой и шлицем под отвертку на шляпке, но без малейшего намека на творчество.

И вот эту высшую форму морали, гибко и необременительно сочетающей индивидуальную творческую самость человека и истинный, также творческий, коллективизм, разрушает Великий инквизитор — некий обобщенный социально-моральный вирус, далее, уже в наше время, передающий свои функции Великому глобализатору. И действие этого вируса проистекает все в том же «служебном мундире» кажимости. А таковая, как *забота о человеке*, была еще век тому назад определена (причем совершенно искренне!) тем же Л.Д. Троцким: *«Человек должен стать коллективным кузнецом своей исторической судьбы. Тогда он сумеет сбросить главную тяжесть труда на спины металлических рабов, овладеет стихией бессознательного в своей собственной душе и сосредоточит все свои силы на творчестве новых прекрасных скульптурных форм сотрудничества, любви, братства, общечеловечности... Досуг нужен человеку, «право на лень»!»* («Литература и революция»). Здесь пояснение в части кажимости и не требуется. Что называется: посмотри-те в окошко...

Итак, Великий инквизитор начал, а Великий глобализатор успешно завершает решительную схватку с Христовой моралью — высшей в истории человечества. Завершает, увы, в свою пользу — расчеловечивания.

Зигмунд Фрейд в своей работе «Достоевский и отцеубийство» замечает, что *«Братья Карамазовы» — величайший роман из всех, когда-либо написанных, а «Легенда о Великом инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно».*

Действительно, глава пятая второй части романа суть «книга в книге». Понятно, что Фрейда она привлекла в ракурсе его основного интереса: роль бессознательного в человеческом поведении и деятельности. В нашем исследовании* на примере «Легенды» обосновывается гипотеза о вторичной идее, как методе художественного познания, доминантой которого являются установки также психического бессознательного. То есть речь идет не о вторичном использовании сюжета (Томас Манн в «Иосифе и его братьях», Джон Мильтон в «Потерянном рае» и многое другое в мировой литературе), но именно о *вторичности идеи*, что есть трансформация идеи первоначальной, как правило, дающая более универсальное решение художественно-философской задачи, создаваемая субъектом мышления по законам, не всегда (зачастую — почти всегда) явно осознаваемым самим творцом. И именно вторичность идеи и позволила Достоевскому в «Легенде» создать широкое полотно битвы Великого инквизитора с христианской, евангельской идеей.

---

* Яшин А. А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.— Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.— 411 с.

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: «написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Второз. 8,3). «Потом берет Его диавол в святой город, и поставляет Его на крыле храма. И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз: ибо написано: «Ангелам Своим заповедал о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Псал. 90, 11—12). «Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего» (Второз. 8,16). «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Второз. 6,13). «Тогда оставляет Его диавол; и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Матф. 4, 1—11).

Одно из центральных, выразительнейших по силе логики, мест христианских Евангелий; постулат самосмирения, свободы духа и апостольского аскетизма. От него пришли к нам через две тысячи лет христианского априорного закона и этика, все мышление *homo sapiens*: вера в силу духа, горение души, их конечная и личная победа над плотью (читай: атавизмом частнособственничества!), духовного над мирским, обыденным, идеализм веры в будущее, творческое раскрепощение личности, самозабвенный патриотизм, смирение гордыни, равенство перед инстанциями императивных категорий бытия, скромность души и потребностей тела, бескорыстия, любовь к ближнему и человечеству и пр.

Два источника лежали в основе выработки канонов христианства и воплотившихся в диалоге духа — искусителя пустыни и Христа: монотеистическая идея иудаизма, где вся мораль, этика и законы растворяются в едином корне: боге духа, исходя от него же, идея, полно выражаемая словами: *«Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе... Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа»* (Посл. к галатам апостола Павла, 3,28; 4,7).

...Другим же источником явился исторический процесс финала рабовладельческой формации позднего античного мира, по духу движущихся сил совпавший с европейским распространением и принятием морали монотеизма в христианской оболочке.

Достоевский производит сложную трансформацию первичной идеи европейской цивилизации: от испытания Христа духом пустыни, Сатаной, помещая объект испытания в XVI век, век преломления христианских догматов, когда к христианским заповедям и именем Христа, но уже от вирусносителя Сатаны, присовокупляются, а на деле полностью переворачивают их, новые идеалы, которые с тех-то пор, полярно заповедям первоначального христианства (вот и кажимость!), составляют существенную часть бытия человечества. Средневековые «великолепные автодафе» и торговля индульгенциями (на деньгах в рай попасть) — характерные примеры такой кажимости.

Тайну из тайн открывает Великий инквизитор Христу, явившемуся к народу в Севилье и схваченному святой инквизицией: уже давно, много веков тому назад, апостольская римско-католическая церковь отпала от бога и стала земным учреждением Сатаны.

Христос вновь посещает землю, внимая полуторатысячелетнему ожиданию человечества. Что вынуждает его прийти к людям не в виде предсказанного пророками Ветхого Завета мессии, время которого еще далеко, но в прежней своей ипостаси: укрепить дух веры и, возможно, еще раз принять на себя накопившиеся грехи людей? Иван Карамазов полагает причину в усилившихся кознях Сатаны, в помощь которому вступила и Лютерова ересь и усталость ожидания, жажда человечеством чуда.

Иисус вправе был ожидать легкого закрепления своей, той давней победы над духом сомнения: посеянные им зерна в землю добрую умерли, но дали много плодов (Иоанн. 12, 24 — эпиграф к «Карамазовым», любимейшие евангельские стихи Достоевского и Толстого), а именно: мировую по значимости и распространению христианскую религию. Именно поэтому он начинает со стереотипа: произносит над семилетней девочкой «талифа куми» (встань и иди) и повторяет чудо воскрешения Лазаря. Но это остается его единственным подвигом; более могучая сила, нежели прокуратор римский Понтий Пилат, книжники, фарисеи и иудейские первосвященники, противостоит сыну божьему. Ему противостоят его наследники духа на земле: церковь, созданная его идеологом — апостолом Петром, и ее святая инквизиция. Первое и последнее чудо вновь вочеловечившегося Христа наблюдает Великий инквизитор и «...он все видел, он видел как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурил седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается перед стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли перед старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо».

Повторяется сцена суда над Христом, но уже не Пилат вопрошает его: что есть истина? Но его сурово не судит, *осуждает* девяностолетний аскет-монах и уже близко-близко, к утру время, когда второй раз сбудется для сына Божия та страшная минута, когда *«подняли вверх и третий крест, несколько непохожий на другие, с большой доской, на которой виднелась надпись: «Царь Иудейский!»* (Г. Данилевский «Мария Магдалина»). То страшное *qui pro quo*, недоразумение, о котором просит брата Алеша Карамазов; глубокая религиозность его сопротивляется адогматичности мышления Ивана.

Что же принципиально нового, даже диаметрально противоположного — а это именно и сделало «Легенду» исключительным явлением мировой художественно-философской мысли — сказал Достоевский в толковании образа Христа? — Что сын Божий, вообще говоря, своим вторым пришествием принес людям только беспокойство, что он лишний в среде людей? Но это ясно и из Евангелий; ведь в Иудее его осудили не только суд религиозный (Пилат лишь «умыл руки»), но и суд народа; ведь это народ, учимый и любимый Христом, кричал: распять его, распять, а разбойника помиловать...

И точно так же в Севилье народ рукоплескал бы на «великолепном автодафе» сожженного Спасителя. В том-то и грустная истина, что провозвестники духа всегда лишние, ибо о них сказано как о зерне, павшем в землю и погибшем, но давшем много плода. В этом смысл искупления многих грехов личным страданием.— Но все это уже сказали Христу Пилат и Анна пятнадцать веков тому назад.

Великим же открытием Достоевским истинного содержания Евангелий была идея о врожденном в человеке примате телесного над духовным, символами которых являются предпочтения хлеба перед свободой, жажда чуда перед верой в лично-го духовного бога, стремление идти в стаде, лишь бы не знать мук выбора.

Именно это откровение Достоевского, слившись с религиозной и пессимистической установкой философии Сёрена Аби Кьеркогора, создали основу новейшего экзистенциализма: Льва Шестова и ранней франкфуртской школы до Камю, Сартра и Хайдеггера.

...Как биологический вирус возник одновременно с биологической клеткой (а на чем бы он тогда инфицировал?), так, согласно диалектическому закону единства и борьбы противоположностей, изначально едины Христос и Антихрист, то есть Бого-человек и Человекобог, оба Сверхчеловеки (Д. С. Мережковский «Л. Толстой и Дос-

товский»). К специфики России по отношению к Западу в действии вируса глобализации мы обратимся в следующем разделе; пока лишь укажем, что если Достоевский духом России полагал именно Богочеловека, то Ницше дух Запада уравнивал с Человекобогом.

В «Легенде» кардинал Великий инквизитор сам есть земное (Человекобог!) повторение Христа; как и последний, он был искушаем страшным духом пустыни, он был аскетом, как и сын Божий, но он понял ту истину, которую Христос постичь не мог, ибо он только посланец *целенаправленного* Духа, возвеститель истины, оставшейся для людей чуждой абстракцией. А Великий инквизитор был человеком по плоти и познал устремление человека. *Он познал, что Сатана был побежден Богом в духе, но оказался победителем в теле*, низвергнут падшим ангелом в преисподнюю, а преисподней оказалось телесное в человеке. Итак, не дано духу оторваться от плоти и воспарить над нею — *вот существо человека*.

...Каждый из собеседников понимает и читает мысли другого дословно. Им неинтересно и совсем не нужно что-либо говорить, если только ... для читателя, а потому Христос, уже *все* сказавший полтора тысячелетия тому назад, может уступить место высказываниям последователю его по словам, но последователю Сатаны по духу. Поэтому в «Легенде» Христос не произносит ни слова. Главное, оба они понимают, что второе пришествие Христа абсолютно излишне, это все равно, как войти в храм Сатаны, это почти неприлично, почти назойливость. Молчание Христа есть и согласие со всеми словами инквизитора.

Как изменилось положение Христа с евангельских времен? — Торжествующий дух правоты и предчувствие искупляющего жертвования сменились на дух сознания своей ненужности: «— *А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова? — Да так и должно быть во всех даже случаях,— опять засмеялся Иван.— Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано?»*

Христос не может ничего прибавить к ранее сказанному, ибо изменить что-либо в духе христианского учения будет чудом, а чудеса были отвергнуты им самим, ибо они отвергают свободу веры — камень, на котором он построил все здания христианства. Так говорил Великий инквизитор. А свобода? — Она осталась иллюзией, ибо свобода людям противопоказана, и люди дожидаться не могли, пока эту свободу духа не взял у них Сатана, действительно освободив их для свободной жизни тела, что только и нужно человеку. Христос был послан Богом на землю, чтобы на себе подтвердить ту истину, что дух, несклоняемый императивом тела, плоти есть иррациональность, абстракция, мечта и сказка.

Христос, идеальная Божья модель человека, не понял своего предназначения и до конца выполнил свою роль «разведчика духа». А искушение Сатаны, эти три его вопроса, и были проверкой идеализма сына Божия, ибо заключали в себе великое: «*Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле*», — разъясняет Иван Алеше ответ на его вопрос: «— *А что значит: не имел недостатка в предубеждениях и указании?»*

Итак, нет, не было и не будет ничего более невыносимого для человека, чем свобода, ибо из альтернативы хлеб или свобода человек по биологическому своему естеству всегда выберет хлеб. «*Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобою и победит тебя и все пойдут за ним...*»

Отрицая величие духа в идеальном христианстве, <вирус> Великий инквизитор

говорит о выходе, который подсказала человечеству сама история эволюции человеческой души и всего социума и что легло в основу управления этим современным, то есть глобализуемым, обществом: обман <кажимость> масс великими идеалами, создание иллюзии свободы при наличии хлеба для всех. Это то, что именуют демократией. Но управлять таким народом будет не элита духа — к чему склонялось идеальное христианство, — а элита страдающих (в лучшем случае; обычно — радующихся) своей ложью ради них, песчинок, миллионов...

Весь «великий Ницше» заключен в нескольких строках «Легенды»: «...Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единственного существа, так и целого человечества вместе — это: «перед кем преклониться?» Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться».

Чудо, тайна и авторитет — вот силы, способные сделать массы послушными, и, по-своему, счастливыми: иметь хлеб, отдать ненужную свободу и совесть управляющей элите, чувствовать, что вожди их есть единственно достойные и надежные субъекты власти надо ними, «миллионами счастливых младенцев». Но Христос отверг все три искушения Сатаны, не дал людям ни чуда, ни тайны, ни авторитета.

Легенду о Великом инквизиторе легче всего объяснить логическим обоснованием Достоевским своих воззрений, их сущности, мировой истории и роли масс и вождей в ней, роли и предназначений императивных идеологий. И объяснение будет совершенно верное. Говоря же об истоках подобного мировоззрения писателя, понятно, будет уместно упомянуть о ненависти его ко всему нерусскому, неправославному и особая ненависть к римско-католической церкви, западному рационализму — в противовес русской *карамазовщине*, то есть стихийной, ищущей, неорганизованной еще воле русского народа. Разумеется, Достоевский имел полное право на такое мнение, не оглядываясь на пресловутое «общественное мнение», ибо *quod licet bovi, non licet Jovi* (что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру).

Итак, в легенде о Великом инквизиторе Достоевский образно-художественно и логико-философски нарисовал великолепное полотно, почти зрительно воспринимаемый сценарий решительной схватки Христа с Антихристом, длящейся уже второе тысячелетие, то есть борьбы вируса сатанизма и аморализма с великой идеей Христовой морали. Увы, уже в средневековой Севилье идеальное, евангельское христианство, как выразитель высочайшего в мировой истории морального учения, стало *кажимостью*, то есть христианство духа под полуторатысячелетней атакой вирусом духовного расчеловечивания переродилось в сугубое церковное учреждение. А за последующее полутьсячелетие, с всплеском в наши дни, Великий глобализатор, переняв бразды управления человеческой, социальной эволюцией (ибо по Конраду Лоренцу человек разумный обогнал свою биологическую эволюцию, перехватив ее в свои руки... в смысле — головы) от Великого инквизитора, создал *социум расчеловеченных и умозамещенных* с кажимостью артефактов Христовой морали.

В заключении раздела дополним содержание «Легенды» (не сочтите за самонадеянность...) обоснованием того факта, в рассуждениях Великого инквизитора оставшегося фигурой умолчания, что в наше время требует разъяснения, а именно: почему история, в смысле социальная эволюция человека, создала христианство, как воплощение высшей морали, уже изначально «приговоренное» к уничтожению де-факто?

Любая эволюция, в том числе социальная, движется методом пробных, ошибочных, тупиковых, опережающих ходов, из совокупности которых и складывается магистральный ход эволюции. Обоснование такой многозначности движения эволюции суть составная, необходимая часть всех философских систем. В части биоэволюции и (социальной) эволюции человека такой ход принято называть «древом жизни» П. Тейяра де Шардена.

Особую роль в данном многозначном движении именно социальной эволюции

играет метод *опережающих* ходов, в то же время обычно коррелирующий с методом *пробных* ходов. То есть эволюция прибегает к опережающим пробным ходам, экстраполируя на будущее магистральный ход эволюции в той или иной степени приближения к нему, что случится в будущем. Наглядный пример: игра детей во взрослых. Мальчики играют в войну: «красные и белые», «наши и немцы», сейчас? — наверное, «банкир и компьютерный вор-хакер»... Девочки же во все времена играют в «матери-дочки» и еще «продавщицы-покупательницы». В таких опережающих (время) пробных ходах они, в общем-то верно, предугадывают характер тех занятий, которые будут востребованы в то время, когда они станут взрослыми... не обязательно мальчик Петя станет военным, а девочка Маша — продавщицей, но ведь кто-то из их дворовой команды таковыми станет!? — См. выше цитату из «Улисса» о «будущем, которое сестра прошлого»...

Наиболее характерными и значимыми пробными опережающими ходами в социальной эволюции можно назвать: (а) республиканские организации государств в античности; (б) буржуазные революции XVI—XVII веков в Северной Европе, прежде всего в Голландии и Англии; (в) Великая французская революция 1789 года и воследовавшая современная форма республиканской организации государства; (г) Парижская коммуна 1871 года — первый опыт создания социалистического государства (кстати, в этом году юбилейная дата Коммуны — 150 лет); (д) величайший пробный опережающий ход — создание СССР и далее мировой системы социализма.

...Вот таким грандиозным пробным опережающим ходом в социально-этической, моральной эволюции стало христианство. И хотя пробный ход христианской морали длился две тысячи лет, а советского социализма семьдесят лет, но, учитывая экспоненциальное ускорение исторического времени, они по своей мощи равнозначны. Главное же, в морально-этическом плане советский социализм был дальнейшим развитием и практической реализацией в социумно-государственном, системном масштабе христианской идеи. Показательно, что принятый в семидесятых годах Моральный кодекс строителя коммунизма в СССР без какого-либо, исключая терминологию, изменения повторил Нагорную проповедь Христа — Заповеди блаженств Нового Завета. Мировой финансово-олигархический империализм в его высшей, глобалистской стадии разрушил основы как христианской морали, так и советского социализма. Но они, в качестве пробных опережающих ходов затвердили будущий магистральный путь социальной эволюции. Понятно, лишь в его общем в абрисе, а именно: ликвидация атаквизма частной собственности и полное равенство людей. Другое дело, что в результате биосферно-ноосферного перехода, миновав стадию глобализации, это будет лишенный частнособственности обезличенный (но ведь равный для всех!) социум, в котором уже никто не будет помнить ни христианства с ее моралью, ни советского социализма. Таково обычное эволюционное соотнесение пробных опережающих ходов и реализующего их, но только в абрисе, в будущем магистрального пути.

Сказанное не относится к теме очерка, но есть нужное пояснение; подробно см. в нашей «Живой материи и феноменологии ноосферы» — сноски дана выше.

Европа (Запад) и Россия: глобалистское уравнивание — предвидение Достоевского. Тема завершающего раздела самоочевидна, ибо Достоевский выражено русский писатель и мыслитель, что косвенно видно даже из упомянутого выше отношения его ко всему нерусскому, к римско-католической церкви, к западному рационализму и так далее.

В «Дневнике писателя» за 1881 год Д. Ф. Достоевский заметил: «Много чего не затронула еще наша художественная литература из современного и текущего, много совсем проглядела и страшно отстала. Все больше типами сороковых годов пробиваются, много что пятидесятых. Даже и в исторический-то роман, может, потому ударила, что смысл текущего потеряла». Эти слова следует понимать — в

контексте нашей темы — в том смысле, что для современной ему русской литературы Достоевский не видел горизонта развития, который подменен ретроспекцией, дескать, в «исторический роман ударилась». А без такого горизонта словесность художественная стагнирует, топчется на месте, кстати, полная аналогия с литературой эпохи глобализации, русской в том числе, хотя бы она еще дышит, в отличии от «западно-восточной» (это из Гёте — «Западно- восточный диван»). И такой останов современной ему литературы Достоевский объясняет началом — в последней трети XIX века — переориентации моральных устоев русского общества, понимаемого широко, социумно. Причем эта переориентация характера не сугубого *laisser faire*, *laisser passer* (предоставьте вещам идти своим ходом, фр.), как замечает Достоевский, но видимого невооруженным глазом, бурно свершающегося в пореформенное (от «Положения» 1861-го года) время, а именно: запоздалая капитализация России, ее обуржуазивание в считанные годы на фоне стомиллионной крестьянской массы, за тысячелетие Руси — России воспринявшей и утвердившейся в христианской морали, причем в самой ортодоксальной (это слово скорее позитивное) форме русско-византийского православия... ведь в европейских языках православие и переводится как «ортодокс». Итак динамизм запоздалого (догоняющего Европу «задрав штаны» — по Маяковскому) обуржуазивания и инерция массовой христианской, православной морали создали феномен коллапса, что и сказалось на русской литературе пореформенного периода. Антинигилистические романы — от «Отцов и детей» Тургенева до «Взбаламученного моря» и «Людей сороковых годов» А.Ф. Писемского, «Панургова стада» Вс. Крестовского, «Некуда» и «На ножах» Н.С. Лескова и вершины этого жанра «Бесов» Достоевского — явились естественной реакцией русской литературы на этот коллапс. Но, исключая морально-этическую доминанту «Бесов», антинигилистическое напавление не создало видение упомянутого горизонта, очень скоро скатилось все к тому же топтанью на месте, о чем и сказал Достоевский в последний год своей жизни — и с чего мы начали этот раздел.

Но еще в «Братьях Карамазовых» с его центральной идеей Великого инквизитора, исчерпания действительности Христовой морали, прежде всего в западном ареале христианского мира, Достоевский и в русской жизни не обольщается на этот счет. Принято считать, что в этом романе Достоевский в художественных образах исчерпывающе вырисовал три основных типа русского человека в их морально-этической сущности: «карамазовщина» (см. выше), склоняющийся к европейскому рационализму и русское православие с его евангельскими, сохранившимися корнями идеального Христова учения. Верный своей художественной интуиции, Достоевский — ведь не аккуратист же немец! — не четко распределил эти качества-типы по персонажам, братьям Дмитрию, Ивану и Алеше. А иначе куда денешь Смердякова — четвертого брата, хотя бы и незаконнорожденного? Да, доминанты расставлены, но на то основные персонажи и русские люди, что их характеры нельзя, да и не нужно в целях художественной правды, строго ранжировать в «табели о рангах».

...Именно не обольщаться, говорит Достоевский этим своим романом, что-де наша исконная русскость, пресловутый «загадочный русский характер», тысячелетнее русское православие уберегут нас от леденящего дыхания Великого инквизитора. Хотя бы «бегом за Европой» в его время у Достоевского порой вызывало усмешку. Так свой рассказ «Скверный анекдот» он начинает словами: «*Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началось с такою неудержимою силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам.*»

Скоро сказка сказывается — нынешний глобализм-империализм всех уравнивал если пока не в правах, но уж точно в самых тягостных обязанностях расчеловечивания, уможамещения и почетного права быть винтиком биотехнической Мегамашины. Да еще и двуполым без права на размножение.

А пока же Федор Михайлович еще «противится» Европе, мол, «одна Россия живет не для себя, а для мысли» («Подросток»). О взаимной же неприязни России, точнее — русских, и Европы Достоевский пишет много и по делу: *«И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «протистить»,— завоевание Кавказа например»* («Дневник писателя» за 1876 год). А в выпуске «Дневников писателя» за следующий год не в бровь, но в глаз: *«Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!»*

...И то, что эти, совершенно не требующие комментариев даже для нынешних русских молодых поколений, высказывания Достоевского и сейчас в полной их моральной и фактологической силе, должно нас вовсе не огорчать, но ... *радовать!* Ибо это означает, что и на нынешнем пике глобализации Россия еще сопротивляется Великому глобализатору. Значит, мы пока еще не «твари дрожащие» — опять же слова Достоевского. Но он и не склонен делать из этого факта вывод об исторической второстепенности русского народа перед европейскими, как о том мыслит персонаж «Подростка»: *«Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества»*.

Еще задолго до Достоевского в русской литературе обсуждался феномен двойственности, причем в моральном плане антагонистической, отечественного социума. С одной стороны, явно не тяготеющее к истинной христианской морали суконно-цинковое администрирование и опекаемый им дворянский класс. *«Отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника»*,— с полной серьезностью отмечает Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год. М. Е. Салтыков-Щедрин и вовсе понижает этот порог до коллежского ассесора, то есть майора... А с другой стороны, это почти все тогдашнее, сельское, да и провинциальное городское, население империи Российской с уже оговоренными не раз выше следованиям православной морали и нравственности. И если даже привилегированный класс любил пожить в свое удовольствие в Париже и на водах в Карлсбаде (а сам Достоевский там проигрывал свои гонорары...), иногда и подольстить европейскому просвещению, порядку и благонравию, но все же оставались людьми своего отечества. Отсюда и комический образ «русского европейца» в литературе. А это все к тому сказано, что во времена Достоевского Европа и Россия как бы на антиподных местах планеты находились: русские Великому инквизитору не подотчетны, а до Великого глобализатора еще за полтора века.

И все идущее из Европы в массе своей русский народ воспринимал настороженно: слова «немец» и «басурман» уравнивались в своих негативных правах. Про антинигилистические романы выше уже говорилось. И более аргументированные теории от Прудона до Маркса не очень-то одобрялись — потому как из Европы. В «Бесах» Достоевский словами Степана Трофимовича Верховенского (напомним, что этот образ «списан» Достоевским с известного русского либерала, историка и профессора Тимофея Николаевича Грановского...) иронизирует: *«Почему это, я заметил,— шепнул мне раз тогда Степан Трофимович,— почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так же, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это? Неужели тоже от сентиментальности?»*

Даже вовлеченная Антантой в бойню Первой мировой (империалистической)

войны, Россия оставалась вне Европы, но зато и народом «второстепенным... которому предназначено послужить лишь материалом...» (см. выше) — пушечным мясом за англо-франко-американские геополитические, колониальные и финансово-олигархические интересы. Здесь же произошло и первое явное явление Великого глобализатора: разрушение трех основных монархий: Российской, Германской и Австро-Венгерской. Но притянуть за уши Россию Европе не получилось: социалистическая революция, причем вовсе де-факто не «по Марксу» (тот не допускал перехода к социализму в одной отдельно взятой стране), вовсе отделило нашу страну от Европы и всего империалистического мира — на три четверти века.

Опять же, не мытьем, так катаньем, вовлеки СССР во Вторую всеобщую войну, мировой империализм, не сообразив с кем он имеет дело (советская власть и Сталин), в итоге получил мировую же систему социализма и советскую сверхдержаву...

Но полное явление миру уже не маскирующегося Великого глобализатора превало пробный опережающий ход социальной эволюции. Советского Союза и мировой системы социализма в одночасье не стало. Сбылись самые мрачные предвидения Достоевского. Но ведь «бал еще не окончен»? Главное, что уже вовлеченная в систему глобализации Россия еще не теряет лица. Как и прежде она — не Европа, не Запад, тем более — не Восток. Но тенденции к глобалистскому уравниванию мало кто отрицает. Даже из когорты оптимистов. И все это в рамках пророческого предвидения мы найдем у Достоевского, особенно при внимательном чтении «Дневников писателя». А мы пока хотя бы по допустимому минимуму стараемся сторониться Европы. Достоевский пишет о формировании в русском народе чувства своей инаковости: *«Мало того, в Москве дошли до понятия, что всякое более близкое общение с Европой даже может вредно и развратительно повлиять на русскую идею (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.), извратить самое православие и совлечь Россию на путь гибели, «по примеру всех других народов». Таким образом, древняя Россия в замкнутости своей готовилась быть неправа,— неправа перед человечеством, решив бездейтельно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе и замкнуться от Европы, то есть от человечества...»* («Дневник писателя» за 1876 год).

...Пусть неправы, но мы последними расчеловечимся. С пением «Варяга».

